

M 86
497

801-09
2017.

Т. И. Волжинскій.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРѢПОСТИ БАЯЗЕТА ОТЪ БЛОКАДЫ ТУРОКЪ.

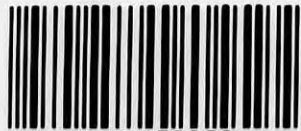
Изъ боевыхъ и военно-походныхъ воспоминаній о
Русско-Турецкой войнѣ 1877 и 1878 годовъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 2-хъ ПЛАНОВЪ.

И-20630

Типографія Окружнаго Штаба,
Варшава, Саксонская площ. № 7.
1911.

2007052368

Посвящается
родной
38-й Артиллерийской бригаде.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печати. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

2

2

11629
1122

22

3

Мое описаніе охватываетъ тотъ періодъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 годовъ, на Малоазіатскомъ ея театрѣ, когда, съ объявленіемъ войны, незначительному отряду Генераль-Лейтенанта Тергукасова выпало на долю сыграть довольно видную роль въ исторіи этой войны и еще разъ поддержать неувядаемую славу Русскаго оружія.

Силы его состояли изъ: 9 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадроновъ кавалеріи, 15 сотенъ казаковъ, 8 сотенъ конной милиціи. Одной батареи дальнаго боя (9 фунтовой), 20 орудій легкихъ (4 фунтовыхъ) и 8 ракетныхъ станковъ. Въ общемъ численность отряда доходила до 9 тысячъ человекъ.

Отрядъ этотъ носилъ названіе Эриванскаго, такъ какъ въ основѣ формировація положена была мысль ограничить его операціи Эриванской губерніей. Въ виду того, что прикрывая все протяженіе нашей пограничной полосы съ Турціей отъ Персидской границы до г. Александрополя, отрядъ вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ губерніи Елисаветпольскую и Тифлисскую, которыя, за выводомъ изъ нихъ войскъ къ границамъ, были вполне открыты вторженію непріятеля.

Но обстоятельства, съ объявленіемъ войны, измѣнили прежній планъ. Эриванскій отрядъ, перейдя нашу границу съ Турціей черезъ Чингильскій перевалъ, вторгся въ ея предѣлы. Не предполагая со стороны Русскихъ такого быстрого и рѣшительнаго шага, турки были захвачены врасплохъ. А потому съ приближеніемъ нашихъ войскъ, всѣ небольшія крѣпосцы и укрѣпленные пункты очищались ими безъ боя и войска изъ нихъ скрывались въ неизвѣстномъ направленіи. Къ числу такихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ принадлежали: Баязетъ, Даракъ и друг.—Тергукасову оставалось только занимать ихъ, оставлять для обезпеченія своего тыла гарнизоны, продовольственные склады и двигаться дальше. Въ Баязетѣ онъ оставилъ: два баталіона пѣхоты, три сотни казаковъ и двѣ 4 фунтовыя легкія пушки.

По всему пути наступленія, отряду приходилось воочію убѣждаться въ страшныхъ изувѣрствахъ Турокъ и Курдовъ, оставившихъ послѣ своего бѣгства: разграбленныя и вырѣзанныя христіанскія поселенія армянъ. Эти злодѣйства крас-

норѣчивѣе газетныхъ сообщеній говорили каждому о мщеніи за поруганное челоѣчество. При приближеніи отряда все, что только осталось въ живыхъ и укрылось отъ ихъ насилій, даже жители селеній, еще не подвергшихся разгрому, являлись къ Тергукасову, слезно моля его о помощи и защитѣ.

Но такому безпрепону движению Эриванскаго отряда былъ положенъ конецъ. Бѣжавшія турецкія войска примкнули на пути, къ очнувшимся и собравшимся съ духомъ остальнымъ войскамъ Малой Азіи. Въ составѣ цѣлаго корпуса, неожиданно для Тергукасова, появился, въ лицѣ Мухтара-Паши, командовавшаго этимъ корпусомъ, грозный заслонъ его дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Положеніе Тергукасова было критическое. Ослабивъ свои и безъ того небольшія силы, оставленіемъ гарнизоновъ въ опорныхъ пунктахъ, ему предстояло рѣшить двѣ трудныхъ задачи, изъ которыхъ ближайшей къ исполненію была: не оставлять на полное истребленіе озвѣрѣвшимъ туркамъ армянское населеніе, искавшее нашей защиты. Значить, нужно было его вывести изъ предѣловъ Турціи, со всеѣмъ его домашнимъ скарбомъ и временно укрыть на нашей территоріи; набралось же его до десяти тысячъ семействъ. Другая назрѣвшая, въ послѣдній моментъ, требовала: возможно поспѣшнаго возвращенія въ нашъ тылъ, такъ какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ, оставленный гарнизонъ въ крѣпости Баязетѣ подвергся блокадѣ, превосходящаго въ нѣсколько разъ его силы, непріятели. Выручить его только и могъ Эриванскій отрядъ, такъ какъ при полномъ отсутствіи войскъ, въ этомъ районѣ, ни на какія другія силы нельзя было рассчитывать.

А потому нужно было, не теряя времени, употребить все силы, чтобы добраться скорѣе къ нашей границѣ и тамъ освободившись отъ своей ноши, въ видѣ переселенцевъ, не теряя минуты, пополнить боевые запасы и, при возможности, усилить свой отрядъ, двинуться на выручку осажденнымъ.

Съ этого момента начинается по истинѣ героическое отступленіе Тергукасова. Отступая шагъ за шагомъ и мѣняя одну позицію за другой, онъ этимъ даетъ возможность, одинъ, другой, десятокъ верстъ продвигнуться, перегруженнымъ имуществомъ, арбамъ переселенцевъ, гнавшимъ еще передъ собой, весь свой живой инвентарь, въ видѣ: буйволовъ, овецъ и коровъ.

Не испытавшій еще до этой поры неудачъ, Эриванскій отрядъ не только удачно отбивался, но въ сраженіяхъ 4-го и 5-го Драгъ-дага и 9-го июня у Даяра, нанесъ значительный ударъ

Мухтару-Паши, чѣмъ осадилъ его, давши понять, что не въ превосходствѣ, иногда, силь кроется успѣхъ битвъ, а въ толковомъ руководствѣ и качествахъ самихъ войскъ. Съ той поры врагъ сталъ осторожнѣе и не такъ рисковалъ своимъ численнымъ превосходствомъ.

При этомъ отступленіи, исключительными обстоятельствами, зависящими только отъ малочисленности отряда, къ которому предъявлялось полное напряженіе его силъ, выработался довольно своеобразный типъ боевого порядка. Онъ представлялъ изъ себя видъ сплошной цѣпи, растянутой на значительное разстояніе, безъ всякихъ поддержекъ и резервовъ. Въ составъ этой цѣпи буквально входило все то, что было годно къ бою. Такое расположеніе заставляло противника предполагать, что нашъ отрядъ, пользуясь складками мѣстности, изобиловавшей глубокими оврагами, скрываетъ, повидимому, остальные силы, гдѣ нибудь вблизи. Тергукасовъ-же, чтобы дать противнику, болѣе ложное представленіе, о численности отряда, иногда прибѣгалъ къ военнымъ хитростямъ. Такъ, когда позиціи удерживались нами до наступленія темноты, то въ сумерки приказывалъ лазаретнымъ линейкамъ и обозамъ передвигаться вдоль линіи боевого расположенія, что издали давало впечатлѣніе двигающихся войскъ.

Мухтаръ Паша, имѣя подъ рукой, тридцатитысячный корпусъ, безусловно былъ въ заблужденіи относительно численности нашего отряда. На это указываетъ показаніе, добытое отъ плѣнныхъ турокъ, которые передавали, что послѣ дѣла у Даяра, когда его лазутчикъ далъ дѣйствительно точное свѣдѣніе о численности передъ этимъ дѣломъ, войскъ нашего отряда. Потерпѣвшій неудачу и озлобленный Мухтаръ-Паша усумнился въ таковомъ и приказалъ повѣсить его, подозревая его въ стачкѣ съ Русскими.

Чтобы выиграть время нашему отряду приходилось въ теченіи дня выдерживать бои, а подъ прикрытіемъ ночи совершать отступленіе.

Тѣмъ временемъ, пока совершались операціи наступленія и отступленія Эриванскаго отряда 2-ая батарея 38-й артиллерійской бригады, съ мѣста ея мирной стоянки, слободы Кисловодска, Терской области двигалась походнымъ порядкомъ къ г. Александрополю, какъ назначенная въ составъ дѣйствующихъ войскъ, подъ крѣпостью Карсомъ. Прийдя въ г. Александрополь, батарея, отломавшей походъ въ 600 верстъ, передъ вступленіемъ въ боевыя силы, необходимо было дать оправиться и привести свою матеріальную часть въ порядокъ. Препеждающими властями ей былъ данъ трехъ-дневный отдыхъ.

Но первоначальнымъ предначертаніямъ Штаба Кавказской арміи не пришлось осуществиться. На другой день нашей дневки получены были въ Александрополь самыя тревожныя телеграммы отъ Эриванскаго губернатора Генерала Рославлева, сообщавшія: что турецкіе Курды, въ значительныхъ массахъ, перешли нашу границу и дебушируютъ, по равнинной части Эриванской губерніи, соприкасающейся съ турецкой границей. Населеніе объято ужасомъ, бѣжитъ изъ Эривани. Если не будутъ присланы войска на выручку, онъ не отвѣчаетъ за разгромъ губерніи.

Какъ на бѣду телеграфное сообщеніе между Александрополемъ и главными силами, гдѣ пребывалъ главнокомандующій Кавказской арміей Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, подѣ крѣпостью Карсомъ, было прервано. Вопросъ о посылкѣ помощи не терпѣлъ промедленія. Составился военный совѣтъ изъ коменданта крѣпости: Генерала Эрнста и командира крѣпостной артиллеріи Генерала Проскурякова. Вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, за посылку войскъ. Но отвѣтственность ни тотъ, ни другой, колебались принять на себя—обратились къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, подѣ наблюденіемъ которой въ это время созидались въ г. Александрополь бараки для раненыхъ общества „Краснаго Креста“. Она соизволила принять на себя отвѣтственность по рѣшенному уже вопросу.

А потому немедленно были наняты громадныя молококанскіе фургоны, на которые были посажены двѣ роты Александропольскаго крѣпостного пѣхотнаго полка. Ихъ двинули по кратчайшей дорогѣ на Кульпы. Вторую-же батарею 38 Артиллерійской бригады отправили форсированнымъ маршемъ, кружнымъ путемъ, на селеніе Делижанъ, такъ какъ по такъ называемой Царской дорогѣ, соприкасающейся съ турецкой границей, было рискованно отправлять безъ прикрытія.

Батарея выступила 8 Юня изъ Александрополя въ составѣ: Командира батареи Полковника Парфененко, Штабсъ-Капитана Непенина, Поручика Штуса, меня и подпоручика Грязнова. Безъ писарей и обозныхъ было 263 нижнихъ чина, 10 фееверкеревъ и 204 лошади. На пути неоднократно губернаторъ Рославлевъ тревожилъ командира батареи телеграммами, съ просьбой не замедлять движенія. 15-го Юня батарея прибыла въ г. Эривань. Съ прибытіемъ батареи, все населеніе Эривани воспрянуло духомъ. Магазины и лавки города, закрывавшіяся на время паники, нагнанной Курдами и приготовившіяся бѣжать, съ упакованнымъ товаромъ, открылись. Замершее движеніе въ городѣ, до нашего прихода,

снова возобновилось. Открылись кофейни съ импровизированными цѣвцами изъ Персеянъ. Восторгамъ горожанъ не было конца. Отъ избытка чувствъ, городское управленіе въ своемъ общественномъ саду предложило обѣдъ и угощеніе всѣмъ нижнимъ чинамъ. И заботливые хозяева, наперерывъ, другъ передъ другомъ, обходя столы, старались удовлетворить аппетитамъ гостей. Мы-же, офицеры, съ батарейнымъ командиромъ во главѣ, были приглашены къ столу генерала Рославлева. Нижніе чины потомъ, во дни боевыхъ невгодъ, не разъ вспоминали о своемъ пребываніи въ Эривани, такъ какъ жители, кромѣ того, что размѣстили ихъ удобно по квартирамъ, но торговцы табакомъ, а въ особенности фруктами, снабжали ими, не требуя съ нихъ платы, оба дня нашего пребыванія въ городѣ.

Не ожидая еще прибытія батареи въ Эривань, Генералъ Рославлевъ, чтобы успокоить населеніе, поголовно бѣжавшее съ пограничной полосы, въ окрестности города и водворить его на мѣста жительство—распорядился Эриванскій мѣстный баталіонъ, подкрѣпленный прибывшими на фургонахъ, двумя ротами крѣпостного полка, съ двумя сотнями Терскихъ казаковъ, отправить на Чингильскій переваль, который главнымъ образомъ и служилъ пунктомъ проникновенія, на нашу территорию, непріятельскихъ войскъ. Командованіе этимъ отрядомъ было имъ поручено Эриванскому воинскому начальнику, Полковнику Преображенскому.

Отдохнувъ два дня, послѣ усиленнаго марша, батарея двинулась въ путь, конвоируемая: одной сотней терскихъ казаковъ, снятыхъ съ охраны Персидской границы и сопровождаемая уѣздными начальниками, возвращавшимися послѣ бѣгства, къ мѣстамъ своего служенія.

Съ возвышеннаго плато, по которому мы двигались, къ г. Эривани, до спуска на площадь, орошаемую рѣкой Араксомъ и равнѣтвленными отъ нее каналами мы свободно могли, окинуть глазомъ всю долину, замыкавшуюся на югѣ: цѣпью Агрыдагскаго горнаго хребта, лѣвая сторона котораго заканчивалась малымъ и большимъ Араратомъ, съ ихъ отрогами, а правая уносилась въ туманную даль. Долина была видна на десятки верствъ, какъ на ладони и представляла общую песчаную поверхность, по которой, какъ оазисы среди пустыни, мелкали зеленые островки, въ видѣ группъ пирамидальныхъ тополей, за которыми маскировались армянскія поселенія.

Наше движеніе по долинь уподоблялось шествію Крестоносцевъ въ Палестину на защиту Гроба Господня. Изъ каждаго попутнаго селенія выходило къ намъ на встрѣчу,

армянское духовенство: съ хоругвями и иконами, и осѣняя насъ крестомъ, благословляло на бой съ невѣрными. Сопровождавшіе же эти процессіи жители, съ благоговѣніемъ прикладывались къ нашимъ пушкамъ, какъ къ святынь.

Продвигались мы очень медленно, такъ какъ колеса орудій и зарядныхъ ящиковъ погружались въ бездонное море песка чуть-ли не по ступицу. При этомъ палящее солнце какъ на людей, такъ и на лошадей, какую-то истому. Въ довершеніе всего: облака песчаной пыли, взбудораженной копытами лошадей, поднимались въ высъ на нѣсколько сажени, по обѣимъ сторонамъ движущейся батареи и не давали возможности, не только продохнуть, но дальше ушей своей лошади, что нибудь видѣть.

Страшная жажда мучила всѣхъ, но воду можно было раздобыть только въ селеніяхъ. Такъ какъ вода, изъ оросительныхъ каналовъ представляла изъ себя мутную полужидкую массу, къ которой никто не рѣшался притрагиваться. Селенія-же отстояли одно отъ другаго на значительное разстояніе.

Единственнымъ спасеніемъ отъ томившей жажды являлись абрикосы (курага), которые: обрадованными жителями, нашимъ появленіемъ, предлагались въ попутныхъ селеніяхъ въ изобиліи безвозмездно; не только намъ офицерамъ, но и нижнимъ чинамъ. При этомъ армяне, снабжая собственно-ручно фруктами солдатъ *) и видя ихъ апетиты, приговаривали: „кушай салдусъ, сколько жилаишь и иди, на война“. Разумѣется при такомъ широкомъ, безвозмездномъ и сердечномъ предложеніи, наши солдаты, не заставляли себя долго упрашивать. И не только ѣли во всю, но и брали не малую толику въ запасъ, наполняя карманы, а подъ часъ умудрялись даже укладывать ихъ за голенища сапогъ.

Разстояніе до ночлега, всего тридцать верстъ, мы совершили, въ продолженіи 14 часовъ времени. На другой день, т. е. 18 Юня, мы прибыли въ селеніе Игдырь, нашъ крайній пунктъ, по пути слѣдованія, на присоединеніе къ отряду Полковника Преображенскаго.

Такъ какъ мы получили приказаніе, отъ Генерала Рославлева, по прибытіи въ Игдырь, немедленно подняться на Чингильскій переваль, то командиръ батареи, желая дать возможность вздохнуть лошадямъ, испросилъ телеграммою Генерала Рославлева.

разрѣшенія поднять на буйволахъ только четыре орудія, т. е. по тому времени дивизионъ: съ усиленной запряжкой, двумя рядами зарядныхъ ящиковъ и запаснымъ лафетомъ. Остальные четыре пушки и прочіе ящики съ обозомъ, должны были остаться въ Игдырь, въ видѣ резерва, которому въ прикрытіе предназначались двѣ роты: Крымскаго и Ставропольскаго полковъ 19 пѣхотной дивизіи, собранныя: изъ выписавшихся изъ лазарета, отставшихъ и оставленныхъ для охраны продовольственныхъ складовъ, въ Игдырь. Резервомъ этимъ, остался командовать командиръ батареи, съ младшимъ офицеромъ, подпоручикомъ Грязновымъ.

19 Юня чуть зоря, уѣздными начальниками были доставлены буйволы, съ погонщиками, собственниками этихъ животныхъ. Видъ батареи въ такой запряжкѣ, былъ довольно комиченъ. Всѣхъ буйволовъ размѣстили по двѣ пары на каждую пушку и по парѣ на зарядный ящикъ. На походѣ пришлось достаточно съ ними намучиться. Пока еще было прохладно, буйволы двигались своей мѣрной поступью, попукаемые исподволь, какъ своими хозяевами, такъ равно поколачиваніемъ, по ребрамъ, ножами шапекъ, идущихъ по бокамъ, номеровъ орудійной прислуги. Но, какъ только солнце начало входить въ свои права, то эти съ виду, флегматичныя и неповоротливыя животныя, при прохожденіи черезъ оросительныя каналы, съ откуда-то взявшейся прытью, стремительно сворачивали съ мостиковъ и бросались съ грузомъ ящиковъ и орудій въ воду. Откуда уже, никакими силами нельзя было ихъ вытащить до тѣхъ поръ, пока не спадетъ жара. Приходилось съ большими усиліями освободить изъ канавъ орудія и ящики, помощью солдатъ, почти на рукахъ, а затѣмъ впрягать своихъ лошадей. За этимъ пришлось провозиться нѣсколько часовъ. Только къ вечеру мы еле дотащились, до начала подъема на Чингильскій переваль. При полубатарей слѣдовали; какъ командиръ ея: Штабсъ-Капитанъ Непенинъ, Поручикъ Штуесъ и я.

Испытавъ неудобство дневного марша на буйволахъ, мы рѣшили все таки ихъ использовать, а потому собрать ихъ и замѣнивши ими нашихъ лошадей, ночью-же подняться на переваль. Дорога на протяженіи десяти верстъ до подъема, пролегая по ровному и твердому грунту, еще была хороша. Другую же половину пути, съ подъемомъ на переваль, пришлось проходить по пространству, нагроможденному разныхъ величинъ камнями, составлявшими, когда-то бывшее, изверженіе большого Араата. При этомъ вся почва и сами камни были покрыты глянцевитой застывшей лавой, съ которой поминутно скользятъ, срывались ноги буйволовъ и они

*) Они по первому началу, предлагали сады свои въ полное пользованіе, но когда солдаты, при обирании плодовъ, начали ломать деревья, тогда хозяева сами уже обирали плоды, и выносили ихъ корзинами.

падали на колѣни. Приходилось двигаться очень медленно, подкладывая, шагъ за шагомъ камни подъ заднія колеса, чтобы орудія и ящики не скатывались назадъ, при подъемѣ.

Пройдя всю ночь, мы только на разсвѣтѣ добрались до нашего казачьяго поста, именуемаго Арговскимъ. Отъ этого поста, дорога и видъ мѣстности нѣсколько измѣнились. Показалась кое-какая зелень, въ видѣ обожженной солнцемъ травы и цѣлые заросли бурьяна. Вздремнувши часа три, послѣ безсонной ночи, мы продолжали движеніе и къ полудню достигли перевала, гдѣ въ ложбинѣ, незамѣтно былъ скрытъ отрядъ Полковника Преображенскаго.

Разбивши бивуакъ и послѣ соблюденія разныхъ формальностей, по явѣ начальнику отряда, мы поторопились засвѣтло ориентироваться. Передъ нами открывалась чудная панорама: Слева отъ насъ, на одной линіи, вздымался къ небу большой Араратъ, съ вершиной покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, впереди у ногъ лежала глубокая долина, мѣстами покрытая желтѣющими нивами и съ юга окаймленная цѣпью горъ Алла-дага. Вправо поднимался хребетъ Агры-дагъ, изъ за видимой крайней линіи котораго вырисовывалась, на горизонтѣ, снѣжная шапка Алагеза. Вооружившись биноклями, мы среди гряды горъ Алла-дага, отыскивали злополучный утесъ, на которомъ ютилась Баязетская цитадель, окруженная охватившимъ ее, какъ кольцомъ, врагомъ, въ которой-то и томились наши злополучные братья.

Какъ по уговору, всѣмъ намъ созерцающимъ, пришло на мысль, что въ такомъ недалекомъ разстояніи отъ насъ заключена горсть храбрецовъ, не поддающихся, никакимъ уговорамъ о сдачѣ и предложеніямъ врага. Положеніе которой на волосокъ отъ гибели, разъ ею овладѣтъ фанатически настроенная толпа Курдовъ и Башибузукъ, а мы въ это время, только глазѣмъ и при всемъ желаніи, подать имъ руку помощи, безсильны на этотъ подвигъ. Какъ нельзя кстати, въ это время, примѣнима была къ намъ поговорка: „охота смертная, да участь горькая“.

Полковникъ Преображенскій, до нашего прибытія, на Чингиль, движимый тѣми же побужденіями, прійдя съ отрядомъ и чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, рискнулъ было попытать счастья и двинулся на выручку. Но, едва только онъ успѣлъ добраться съ перевала въ долину, какъ на него начали насѣдать цѣлыя полчища кавалеріи, спустившейся съ горъ. Благодаря только казакамъ, переносившимся съ одного фланга на другой, не удалось врагу охватить нашъ маленькій отрядъ и его уничтожить. Съ большими тогда потерями, онъ еле убрался во свояси.

Будь о ту пору турецкіе стратеги болѣе предприимчивы и освѣдомленнѣе, о незначительности отряда, дерзнувшаго идти на выручку Баязета. Того отряда, который, въ то-же время, составлялъ единственный оплотъ всей Эриванской губерніи, они смѣло могли его уничтожить и безпрепятственно, на его-же плечахъ подняться на переваль. А тамъ представился бы имъ полный просторъ дѣйствій, вплоть до Тифлиса. Такъ какъ вторая батарея 38 Артиллерійской бригады, съ сотней казаковъ и двумя сборными ротами, какъ единственныя воинскія части, оставшіяся временнымъ заслономъ, едва-ли могли-бы удержать напоръ, той массы кавалеріи, которой располагали Турки, въ прилегающихъ къ нашей границѣ: Баязетскомъ и Ванскомъ вилаятахъ *). Но, этого къ счастью, не случилось и мы были обречены на томительное бездѣйствіе, въ ожиданіи подхода къ намъ болѣе значительныхъ силъ.

Тѣмъ временемъ мы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы помѣшать мелкимъ партіямъ Курдовъ проникать за предѣлы нашей границы. На другой день по нашемъ прибытіи на Чингиль, съ наступленіемъ темноты явились къ намъ изъ осажденнаго Баязета вѣстники, въ образѣ двухъ казаковъ Терскаго войска. Оборванные и грязные, такъ какъ имъ приходилось, чтобы быть не замѣченными турками, трое сутокъ ползкомъ пробираться по ночамъ: оврагами, ущельями и горами. Они сообщили, что гарнизону есть возможность, хотя и впроголодь, продержаться еще недѣлю. Разспросамъ нашимъ не было конца. По ихъ рассказамъ, главная нужда была въ водѣ, которую нужно было добывать извнѣ. А потому ежедневно, изъ осажденныхъ вызывали охотниковъ, которые по ночамъ, на канатахъ, спускались со стѣнъ Цитадели, къ вытекающему, вблизи изъ горы ключу. Цѣною иногда жизни, добывали они нѣсколько ведеръ воды, на всю братію. Оказалось, что совсѣмъ вплотную, непріятель не дерзалъ охватить Цитадель. Такъ какъ всѣ его попытки, въ этомъ направленіи, со стороны защитниковъ, встрѣчались убійственнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. На каковую встрѣчу, еще имѣлись въ достаточномъ количествѣ, огнестрѣльные припасы. Но за то, слышавъ движеніе у ручья, непріятель открывалъ, хотя и безпорядочную стрѣльбу, въ этомъ направленіи, но шальные пули могли всегда задѣть кого либо изъ смѣльчаковъ, что нерѣдко случалось и нѣсколько человѣкъ

*) Ужъ если, какіе то четыре сотни Курдовъ исполнили всю администрацію Эриванской губерніи, а что бы было, еслибы появилось ихъ тысячи двѣ, три?

поплатилось даже жизнью. Только теперь мы могли себя объяснить причину той перестрѣлки, которая поднималась ежедневно, съ наступленіемъ темноты, со стороны Баязета и доносившаяся къ намъ эхомъ горъ.

Оповѣстившихъ насъ казаковъ мы напоили, накормили и отправили въ Игдырь, гдѣ могли быть болѣе освѣдомлены о находженіи Эриванскаго отряда, въ который нужно было подать вѣсть, о положеніи осажденныхъ.

Когда мы собирались двинуться съ полубатареей изъ Игдыря на Чингильскій переваль, то командиръ батареи отсоветовалъ намъ брать съ собою лишнее платье и припасы, завѣряя, что болѣе двухъ дней наша командировка не продолжится. Повѣривъ въ его боевую опытность, мы все отправились въ томъ, въ чемъ были и только прихватили бурки. Съѣстныхъ припасовъ взято нами было только на два дня, тѣмъ болѣе, что въ жару они могли испортиться. А намъ обѣщано было присылать все изъ Игдыря, вмѣстѣ съ припасами для нижнихъ чиновъ. Нижніе чины были въ томъ-же положеніи, но ими былъ захваченъ еще 5 дневный запасъ сухарей. На третій день, когда обѣщанные продукты для насъ и нижнихъ чиновъ не были получены, мы начали беспокоиться о причинѣ такой неаккуратности. Посылать отъ себя людей за 20 верстъ, мы не рѣшались. Пришлось отправить на поиски команду ѣздовыхъ верхами, съ наказомъ: возвращаться немедленно, при малѣйшемъ даже намежѣ на опасность. Въ разстояніи отъ насъ, около пяти верстъ, на отрогахъ большого Арарата, были видны кочевья мирныхъ Курдовъ, куда и направлены были ѣздовые. Поиски были удачны и мы сразу приобрѣли нѣсколько барановъ, которыхъ сами хозяева пригнали къ намъ.

Впослѣдствіи выяснилось, что задержка въ присылкѣ намъ припасовъ изъ Игдыря, крылась въ томъ, что замѣчены были Курдскіе всадники, проникшіе въ Эриванскую губернію, черезъ слабо охраняемую, Персидскую границу. Такъ какъ они рыскали на нашемъ сообщеніи, то уже явилось въ Игдырь у властей предположеніе, что мы отрѣзаны и чтобы не попало, посланное въ непріятельскія руки, ничего намъ не посылать.

Дровъ мы такъ-же не могли достать, такъ какъ окрестности, на десятки верстъ, не изобиловали, не только деревьями, но даже кустарниками. Но пѣхота какъ-то приспособлялась и неизвѣстно откуда доставала дрова. А потому было приказано нашимъ канонирамъ присоединяться каждый разъ, когда они отправляются, въ поиски за дровами. Оказалось, что охотничьи команды выбираютъ весь деревянный мате-

риаль изъ жилищъ тѣхъ армянъ, которые были разграблены турками или брошены бѣжавшими ихъ хозяевами на произволъ судьбы. Такимъ образомъ мы постепенно обезпечили себя пропитаніе, которое ежедневно заключалось: въ жареной и вареной въ котлахъ баранинѣ. Вмѣсто хлѣба мы ѣли размоченные въ водѣ сухари. По вечерамъ, по неимѣнію чая, на ужинъ варили себя жидкую кашицу изъ тѣхъ же сухарей. Кто курилъ, то пока можно было доставать махорку, курили ее, консервовъ тогда, мы еще не вѣдали, галеты хоть и были у насъ въ походѣ, но мы предпочтеніе отдавали сухарямъ, какъ болѣе питательнымъ.

Лошади, кромѣ овса, тоже ничего сперва не имѣли. Но наши ѣздовые помогли этой бѣдѣ. Они развѣдали, что въ лощинахъ горъ имѣется трава, а потому вдоволь ее накопивши, просушивали еще впрокъ. Спускались въ долину и изъ ближайшихъ нивъ собирали брошенный урожай пшеницы и ячменя. Навязавши, по два снопа каждый, сажались верхомъ и съ этимъ выюкомъ поднимались обратно. При этомъ, во время фуражировки, на разстояніи полуверсты, по всемъ направленіямъ, выставлялись ими конные-же вѣстовые, которые должны были предупреждать о надвигавшемся неприятелѣ, съ появленіемъ его, даже только на горизонтѣ.

Чтобы не обнаруживать неприятелю своего расположенія и количества войскъ въ отрядѣ, не приказано было ставить палатки и нижніе чины спали подъ открытымъ небомъ. Наши-же артиллеристы группами размѣщались подъ зарядными ящиками. Слѣдуя общему постановленію и намъ офицерамъ приходилось быть безъ палатокъ и ютиться подъ ящиками: отъ непогоды, палящихъ солнечныхъ лучей, а такъ-же располагаться для сна.

Разница температуры дневной и ночной, на перевалѣ-была огромная. Дневная необычайная жара смѣнялась ночнымъ холодомъ, доходящимъ до легкихъ заморозковъ. Оставленная на ночь въ сосудѣ вода покрывалась тонкимъ слоемъ льда. На два, три часа, ежедневно жара умѣрялась по странному капризу природы. Оксело полудня, сползло съ вершины большого Арарата небольшое облачко, изъ котораго въ теченіи получаса, выпалъ дождь. Но дождь шелъ только той полосой, которую занималъ переваль, задѣвая иногда, слегка, спускъ въ долину, не распространяясь дальше. Было-ли это случайнымъ явленіемъ въ этой мѣстности или относилось къ обычнымъ, трудно сказать. Но оно наблюдалось, во всей своей послѣдовательности, когда мы, уже послѣ снятія осады съ Баязета, около недѣли, располагались, на томъ-же мѣстѣ перевала.

Однимъ изъ непоправимыхъ неудобствъ нашей жизни была невозможность смѣнить бѣлье, которое, при жаркомъ климатѣ и неминуемой при этомъ испаринѣ, кромѣ загрязненія, приобрѣтало не особенно косметическій запахъ, уничтожавшійся отъ прополаскиванія въ ключевой водѣ, даже по просушкѣ, подъ палящими лучами солнца.

Судьба, наконецъ, сжалилась надъ нами. 24 Юня интендантствомъ были подвезены намъ продукты, а съ ними прибыло къ намъ изъ Игдыря все необходимое. Кромѣ того, получено было извѣстіе, что Генераль Тергукасовъ съ отрядомъ находится недалеко отъ нашей границы. Это уже говорило за то, что узники Баязетскіе будутъ спасены. Къ вечеру, на подкрѣпленіе нашего отряда прибылъ на переваль генераль-маіоръ Келбали-Ханъ, съ двумя сотнями покорныхъ курдовъ. Съ его прибытіемъ начальствованіе нашимъ отрядомъ перешло къ нему. Вновь прибывшему начальству, почему-то почудилось, что мы можемъ быть отрѣзаны отъ Эриванскаго отряда, а потому онъ приказалъ всему отряду поспѣшно отступить на Игдырь.

На сколько былъ труденъ подъемъ на Чингиль, но значительно тяжелѣе оказался спускъ, въ особенности для ящичныхъ коренниковъ, которые должны были на себѣ сдерживать всю тяжесть груза. Несчастныя животныя совершенно садились на заднія ноги, съ которыхъ то и дѣло срывались подковы, вмѣстѣ съ гвоздями. Въ виду спѣшности отступления, о новой ковкѣ нечего было и думать. А потому у многихъ изъ нихъ были стерты и обломаны копыта. Хотя люди, при каждомъ крутомъ спускѣ, поочередно вели всѣ ящики на лямкахъ, и спустивши одинъ, къ мѣсту болѣе пологой профили, возвращались, чтобы спустить слѣдующій. Но это, повидимому, давало мало облегченія животнымъ, такъ какъ, при временной остановкѣ, у всѣхъ ноги были, съ налившимися отъ напряженія мускулами и все время содрогались. На полупути данъ былъ намъ трехчасовой роздыхъ, а затѣмъ ужъ безостановочно отрядъ шелъ до Игдыря.

До нашего отступления съ перевала, судя по разговорамъ товарищей, положеніе Эриванскаго отряда было все время отчаянное. Энергичное насѣданіе турецкихъ силъ не ослабѣвало. Спустя нѣкоторое время, чисель около 20 и 21 Юня, Мухтаръ-Паша, какъ главнокомандующій, всѣми турецкими силами на Малоазіатскомъ театрѣ, былъ отвлеченъ событіями подъ крѣпостью Карсомъ. И командованіе отрядомъ, направленнымъ противъ Тергукасова, передалъ Исмаилу-Пашѣ, оттянувъ къ себѣ часть его силъ. Послѣдній не отличался уже той рѣшительностью, а потому, когда отрядъ продвинулся

на Даракъ къ Мысуну (планъ № 1), Тергукасовъ ускользнулъ съ нимъ, съ предполагаемаго пути отступления на Баязетъ, на которое такъ рассчитывалъ Исмаиль-Паша и ловкимъ маневромъ, перебросилъ его на Караванъ-Сарайскій переваль. Тутъ уже, онъ могъ считать себя дома. Миссія его, по водворенію переселенцевъ, въ Эриванскую губернію, осуществлялась. Нужно было только передать переселенцевъ уѣзднымъ начальникамъ для равномернаго распредѣленія ихъ по свободнымъ казеннымъ землямъ. Теперь оставалось подумать о быстрой подачѣ помощи осажденнымъ, такъ какъ Исмаиль-Паша могъ раньше, съ своимъ корпусомъ подойти къ Баязету. Тогда освобожденіе затянулось бы до присылки значительныхъ подкрѣплений, такъ какъ нечего было и думать, съ такими силами, какія были у Тергукасова, выбивать корпусъ Исмаила-Паши; усиленный еще отрядами Фаика-Паши и Мунибъ-Паши, съ позицій на хребтѣ Алла-дага, укрѣпленныхъ самой природой. Упущенный моментъ грозилъ гибелью заключенныхъ. И только, благодаря всегдашней медлительности турокъ, Генераль Тергукасовъ его не упустилъ.

25-го Юня, въ то время, когда батарея подходила къ Игдырю съ одной стороны, Эриванскій отрядъ втягивался въ него съ другой. Съ этого числа наша батарея могла считаться вошедшею въ составъ Эриванскаго отряда. Распоряженіемъ Генерала Келбали-Хана, по снятію отряда съ перевала, Генераль Тергукасовъ, остался очень недоволенъ и немедленно приказалъ возвратиться всему отряду обратно. Полубатарея не успѣла еще отдохнуть, какъ опять ей пришлось вынести трудности вторичнаго подъема, который на этотъ разъ былъ тяжелѣе, такъ какъ буйволы на спѣхъ нельзя было достать. Да и едвали Генераль Тергукасовъ, согласился-бы разрѣшить этотъ способъ перевозки артиллеріи, подходящій скорѣе къ мирной обстановкѣ. Пришлось рассчитывать только на свои силы. Замѣнивъ больныхъ и побитыхъ лошадей, изъ остающейся полубатареи, мы двинулись. И на этотъ разъ мы были болѣе осмотрительны, захвативши съ собой всего въ изобилии. На переваль мы пришли въ страшно измученномъ состояніи, только вечеромъ.

Не теряя времени Эриванскій отрядъ нѣсколько отдохнулъ подъ Игдыремъ, пока раненые были сданы въ госпитали и боевые запасы пополнены. 27 Юня уже всѣ войска Эриванскаго отряда перешли на Чингиль. Тергукасовъ усилилъ свой отрядъ: нашей полубатареей и четырьмя ротами изъ отряда Келбали-Хана. Послѣдній съ остальнымъ отрядомъ оставался на мѣстѣ. Въ тотъ же день, предназначенная войска двинулись на выручку Баязетскихъ плѣнниковъ.

Передъ тѣмъ, какъ двинуться съ перевала, чтобы дать знать осажденнымъ о близкой помощи, по приказанію Генерала Тергукасова, изъ нашей полубатареи былъ данъ параллельный выстрѣлъ, который, среди царившей тишины въ природѣ, какъ то особенно гулко пронесся надъ долиной. И пока эхо горъ успѣло его подхватить, вдали въ воздухѣ взвился дымокъ отъ разрыва. На поданный сигналъ спустя, такъ $\frac{1}{4}$ часа, послѣ нашего выстрѣла, показался орудійный дымокъ, со стѣнъ цитадели. Самого выстрѣла мы не услышали, но ясно было, что онъ былъ отвѣтомъ на нашъ призывъ, ко вниманію. А потому мы легко вздохнули. У всѣхъ насъ явилась надежда, что осажденные будутъ нами спасены, въ скоромъ времени.

Какъ только отрядъ снялся съ Чингильскаго перевала, чтобы спуститься въ долину, пошелъ сильный дождь. Измокнувъ, какъ говорятъ до костей, войска на ночь расположились въ 8 верстахъ отъ Баязета, около рѣчки Курду-Гуль (планъ № 2). Всѣ горные родники по пути нашего движенія къ ночлегу, были нарочно Курдами завалены, разлагающимися трупами убитыхъ ими армянъ съ тѣмъ, чтобы отравить намъ воду. Въ тотъ-же вечеръ, была разслана по отряду диспозиція, въ которой полубатареѣ 38 Артиллерійской бригады, въ началѣ боя, указано было находиться во второй линіи. Общая численность войска у Генерала Тергукасова, которые должны были участвовать въ бою 28 Іюня была слѣдующая: семь баталіоновъ пѣхоты—4901 человекъ, тринадцать сотенъ казаковъ—1680 винтовокъ, Переяславскій драгунскій полкъ—1500 человекъ, двѣнадцать орудій девятифунтовыхъ, четырнадцать 4-хъ фунтовыхъ, въ числѣ которыхъ была одна конная батарея и еще семь ракетныхъ станковъ.

Турецкія войска расположены были такъ: Баязетъ былъ обложенъ двумя регулярными баталіонами пѣхоты и множествомъ ирегулярныхъ конныхъ и пѣшихъ частей, при одномъ полевомъ и трехъ горныхъ орудіяхъ. Войска эти были подъ командой Муниба-Паши. 25-го Іюня до боя, къ нимъ прибыли въ подкрѣпленіе: одинъ баталіонъ редифа и одно горное орудіе, изъ отряда Фаикъ-Паши, состоявшаго: изъ $4\frac{1}{2}$ баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадроновъ кавалеріи, пяти полевыхъ и трехъ горныхъ орудій. Этотъ отрядъ (планъ № 1) былъ всего въ двухъ часахъ пути отъ Баязета. У Мысуна (планъ № 1) былъ Алашкертскій отрядъ Измаила-Паши, численностью до двадцати тысячъ.

27 Іюня отъ Муниба-Паши, блокировавшаго Баязетъ было обоимъ отрядамъ послано извѣщеніе: что, Русскія войска, изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, пошли на помощь къ осажденнымъ.

28 Іюня, съ наступленіемъ разсвѣта, Баязетъ вырисовался передъ нами, какъ на ладони. Цитадель, въ которой засѣли наши храбрецы, высилась надъ цѣлымъ городомъ. И стоя на выступѣ одного изъ отроговъ Алла-дагскихъ горъ, имѣла видъ какого то средне-вѣковаго замка. Остальной городъ какъ новый, такъ и старый, былъ въ развалинахъ. Вокругъ города стояла лагеремъ масса: курдовъ, башибузуковъ и горцевъ, которые какъ, хищныя птицы, сторожили свою добычу. Съ ранней зори, все у нихъ всполошилось и какъ въ растревоженномъ муравейникѣ, сновало и мчалось на коняхъ по всѣмъ направленіямъ.

Въ нашемъ отрядѣ чувствовалось особенное возбужденіе, которое можно было прочесть на лицѣ cadaго. Всѣ сознавали, что день предстоитъ трудный и придется помѣряться съ непріателемъ, значительно превосходящимъ въ силахъ.

Войска перестроились въ боевой порядокъ. Съ нашей стороны первымъ грохнуло орудіе: зашипѣлъ снарядъ и смерть противнику полетѣла по назначенію; вслѣдъ затѣмъ, около насъ, во 2-ой линіи начали свистѣть и фурчать пули. Лошади при каждой ударявшейся въ землю и фурчавшей пулѣ, сначала вздрагивали, храпѣли, но потомъ, подчиняясь своему положенію, опускали головы и постепенно замолкали. Были примѣры, что самая строптивая и норовистая лошадь, попадая подъ выстрѣлы, мгновенно смирялась, притихала, смотрѣла, понутивъ голову, и безусловно отдавалась своему распорядителю, какъ-бы чувствуя надъ собой, въ эту минуту, болѣе чѣмъ когда нибудь, всю силу его разума.

Полубатареѣ пришлось стоять въ бездѣйствіи до девяти часовъ утра и это бездѣйствіе, при общей кипучей дѣятельности вокругъ, казалось для насъ особенно томительнымъ. Тѣмъ болѣе, что мы были въ первый разъ въ бою, и какъ я, такъ и Поручикъ Штуссъ, съ пыломъ молодости рвались въ бой и жаждали поскорѣе принять боевое крещеніе. Каждый изъ насъ двухъ тогда готовъ былъ откликнуться на всякое требованіе пѣхоты, лишь бы скорѣе выйти изъ этого инертнаго положенія. За время нашего стоянія, во второй линіи, неоднократно подсакивали къ командіру полубатареи, пѣхотныя адъютанты, рисовали ему ужасное положеніе и почти съ мольбой обращались: „дать хотя-бы одну пушечку, она моль подбодритъ сразу пѣхоту и тогда побѣда въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ у турокъ нѣтъ на этомъ участкѣ ни одной пушки“. Но нашъ Штабсъ-Капитанъ Непенинъ былъ неумолимъ: Какъ болѣе стойкій и солидный не внималъ мольбамъ и избавившись отъ такого искушенія, удержалъ полубатарею, въ неразбитомъ видѣ, до болѣе важнаго момента.

Наконец батарея была вызвана въ боевую линію по приказанію начальника артиллеріи отряда Генераль-Маіора Барсова, заняла позицію: нѣсколько впереди и лѣвѣ стоявшихъ уже на позиціи батарей 19 Артиллерійской бригады (планъ № 2), которыя стрѣляли по турецкой горной батарее и располо женному позади ея лагерю. Нижніе чины 2 батарей, какъ и мы, офицеры ея, тоже были въ первый разъ подъ огнемъ. Пока еще орудія устанавливались на позиціи, передки убирались ѣздовыми, люди всѣ были въ суматохѣ, такъ сказать, заняты и внѣ наблюдений. Но когда наступилъ первый актъ ихъ дѣйствій, подъ огнемъ и на виду у насъ, то тутъ сказалося у всѣхъ нѣкоторый упадокъ духа. Выразилось это: въ легкой блѣдности лица едва замѣтной дрожи, пробѣгавшей въ рукахъ, во время подготовки снаряда, къ выстрѣлу. Шатаніе безъ нужды къ передкамъ и тамъ, какая-то излишняя копотня. Всѣ стояли при пушкахъ со средоточенными думами на лицѣ и лишь изрѣдка дѣлали замѣчаніе по поводу какого нибудь наблюдаемаго удачнаго выстрѣла. Но видно было, что эти замѣчанія насильно слетали съ языка, чтобы заглушить въ себѣ сильное напряженіе нервовъ. Разумѣется, въ послѣдующихъ бояхъ ничего подобнаго за нижними чинами не наблюдалось. И привычка къ опасностямъ войны, закалила людей, ставя чувство самосохраненія на задній планъ.

Чтобы не тратить попусту снарядовъ, на пристрѣлку, полубатарея взяла возвышеніе прицѣла, отъ соседней батареи 19 Артиллерійской бригады, 9 фунтоваго калибра, и открыла стрѣльбу обыкновенными гранатами. Дистанція была значительная и соответствовала 104 линіямъ прицѣла, по этому приходилось даже подкапывать хобота у орудій. Турецкія горныя орудія, хотя и отвѣчали намъ, но снаряды ихъ не долетали; это ободрило нижнихъ чиновъ и среди нихъ послышались остроты, на каждый неудачно выпущенный, непріятельскій снарядъ. Когда турки замѣтили недѣйствительность выстрѣловъ изъ горныхъ орудій, то открыли огонь изъ дальнобойной батареи, расположенной на высотахъ за Баязетомъ. Сначала, во время пристрѣлки, снаряды этой батареи, то перелетали, то не долетали; но потомъ почти всѣ стали ложиться на полубатарею. Чтобы, по возможности, предотвратить потери, орудія были разставлены на сорокъ шаговъ одно отъ другого. Прислуга орудійная постоянно пододвигала ихъ впередъ, выводя такимъ образомъ изъ сферы пораженія. Турецкіе снаряды почти не приносили вреда полубатареѣ, потому-что направляясь съ горы и къ тому же съ очень дальней дистанціи, а, слѣдовательно, по слишкомъ

крутой траекторіи, зарывались глубоко въ землю и при разрывѣ, выбрасывали осколки кверху, вмѣстѣ съ комьями уплотненной ими земли. Но выброшенные осколки вверхъ, теряли свою силу и могли только ушибить (контузить).

Наши солдатики, уже по врожденному чувству у каждаго человѣка, стараться примѣниться къ обстановкѣ, тутъ же начали изощряться въ улавливаніи на слухъ звуковъ, какіе производятъ непріятельскіе снаряды того или другого калибра, проходя слои воздуха, по выходѣ изъ дула орудія. Черезъ мѣсяцъ, когда мы стояли подъ Игдыремъ, на позиціяхъ и вели почти ежедневно артиллерійскій поединокъ съ батареями корпуса Измаила-Паши, то наши канониры, почти безошибочно опредѣляли, какой изъ турецкихъ снарядовъ ляжетъ на батарею, а какой перелетитъ. А потому, бывало только покажется дымокъ изъ непріятельскаго орудія, черезъ нѣсколько се кундъ, на батарею слышишь: „мимо“ или „наша“. Хотя при словѣ: „наша“ и дѣлалось кому не по себѣ, но никто не высказывалъ своихъ внутреннихъ чувствъ и мысленно вѣроятно, отрещивался отъ удовольствія, быть прилепнутымъ такимъ кусочкомъ стали или чугуна.

Вообще говоря о дѣйствіи турецкой артиллеріи въ минувшую кампанію, надо отдать ей справедливость; только въ умѣннй вести пристрѣлку. Но въ остальныхъ случаяхъ, она обнаруживала значительные недостатки, такъ, на примѣръ: открывала огонь съ самыхъ дальнихъ дистанцій, чуть-ли не съ предѣльныхъ. Вслѣдствіе чего дѣйствительность огня ея была слабая. Очень рѣдко держалась системы массированія орудій по одной цѣли. Разбрасывала орудія одной и той же батареи, на значительное разстояніе другъ отъ друга, которыя производили стрѣльбу, повидимому, по своему усмотрѣнію, игнорируя общія задачи.

Съ открытіемъ артиллерійскаго огня, была разсыпана и пѣхотная цѣпь. Два баталіона Крымскаго пѣхотнаго полка, переходя отъ закрытія къ закрытію, устремились на лѣвую часть города (новый городъ). Другіе же два баталіона Ставропольскаго полка пошли влѣво къ старому городу. Какъ только цѣпь стрѣлковъ приблизилась къ Баязету на ружейный выстрѣлъ, посыпался на нихъ градъ пуль, изъ полуразрушенныхъ построекъ города. Крыши уцѣлѣвшихъ домовъ, также усѣялись непріятельскими стрѣлками и покрылись полосками, вспыхивающихъ дымковъ. Благодаря постояннымъ закрытіямъ, попадавшимъ на пути, отрядъ нашъ, въ это время, не понесъ почти никакихъ потерь.

Осажденные-же, заключившіеся въ Цитадели, также не дремали и съ успѣхомъ поддерживали атаку нашихъ внѣш-

нихъ войскъ, выбивая мѣткимъ огнемъ засѣвшего въ домахъ противника.

Для болѣе успѣшнаго пораженія непріятеля, засѣвшего въ каменныхъ постройкахъ, вѣ огня съ цитадели, былъ вызванъ подъ командой моей взводъ, отъ полубатареи. Выѣхавъ на рыхляхъ, я былъ все время обстрѣливаемъ дальнобойной батареей, но неудачно. Когда я подѣхалъ къ предназначенной мнѣ позиціи, южнѣ селенія Зенге-Зуръ, (планъ № 2), то она все время, никакъ не могла ко мнѣ пристрѣляться *) и оставивши мой взводъ въ покоѣ, перенесла огонь на другія цѣли. По моему взводу, какъ приближавшемуся къ Баязету, начала дѣйствовать горная батарея. Сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ по взводу, даже не пристрѣлявшись, она занялась цѣпью нашихъ стрѣлковъ, которые въ одиночку взбирались на крутости горъ, окружающихъ Баязетъ. Предоставленный самому себѣ я открылъ стрѣльбу, при высотѣ прицѣла въ 80 линій, по расположившимся за камнями непріятельскимъ стрѣлкамъ. Дѣйствіе гранатъ, по непріятелю, расположенному на каменистомъ грунтѣ, было очень удачно, и оставалось сожалѣть, что по условіямъ мѣстности, невозможно было подвести, на ту-же позицію, остальныхъ два девятифунтовыхъ орудія полубатареи.

Въ разгаръ боя, когда уже Крымцы и Ставропольцы, подошли совсѣмъ къ городу и вели ожесточенную перестрѣлку. Начальникъ Штаба Эриванскаго отряда, Полковникъ Филиповъ, обратилъ вниманіе на одну высоту, которая, командуя всѣми непріятельскими закрытіями, не была, однако, занята турками. По докладѣ объ этомъ Генералу Тергукасову, послѣдній приказалъ направить туда двѣ роты 3-го стрѣлковаго баталіона и двѣ спѣшенныя сотни Хоперскаго казачьяго полка.

Между тѣмъ, вдали, грозно, хотя и очень медленно, скорѣе сползали, чѣмъ спускались съ горъ, черныя массы войскъ: Феика и Измаила Пашей, подвигавшихся на поддержку Муниба-Паши.

Въ виду ихъ приближенія, начальникъ пѣхоты отряда, Генераль-Маіоръ Броневскій, вызвалъ изъ резерва 2¹/₂ баталіона Крымскаго и Ставропольскаго полковъ, приказалъ имъ занять позицію на правомъ нашемъ флангѣ и сдерживать наступающія силы Фаикъ-Паши. Противъ наступавшаго-же Измаила-Паши выдвинулась колонна начальника кавалеріи отряда Генераль-Маіора Князя Амилахвари, состоявшая изъ всей кавалеріи, конной батареи и двухъ ротъ стрѣлковъ.

*) Въ виду того, что мой взводъ былъ прикрытъ двумя параллельно расположенными глинобитными стѣнами и всѣ выпускаемые снаряды сю, ложились въ промежуткѣ между ними.

Баталіоны, посланные на встрѣчу отряда Феикъ-Паши, блестяще исполнили свою задачу, завязавъ перестрѣлку на флангѣ, они заставили турокъ отступить съ большими потерями, а сами примкнули къ колоннѣ Князя Амилахвари. Къ 4 часамъ дня показались на хребтѣ, командуя, непріятельскими закрытіями, посланные туда стрѣлки и казаки Хоперскаго полка. Занятіе этого важнаго для насъ пункта удалось безъ всякихъ затрудненій. И турки при первыхъ выстрѣлахъ, направленныхъ съ хребта, начали колебаться. Наши, видя ихъ нерѣшительность, бросились въ штыки и молодецкимъ ударомъ опрокинули ихъ. Погнавши, ворвались на батарею, расположенную позади города, перекололи штыками артиллерійскую прислугу и завладѣли орудіями. Преслѣдованіе турецкихъ войскъ продолжалось до самаго ихъ лагеря, расположеннаго за городомъ. Все имущество, имѣвшееся въ лагерѣ, досталось намъ.

Узники Баязетской цитадели, такимъ образомъ были спасены и освобождены. Когда они появились изъ отворенныхъ воротъ цитадели, то на нѣкоторыхъ изъ нихъ страшно было смотрѣть; до того они имѣли видъ худыхъ, блѣдныхъ и изможденныхъ отъ голода. Какъ говорить поговорка: „Краше кладутъ въ гробъ“, такъ они выглядѣли. Генераль Тергукасовъ поѣхалъ поздравить храбровъ съ побѣдою и окончаніемъ ихъ мученическаго затворничества. Сознавая, небезопаснымъ положеніе всего отряда, просилъ тутъ-же, всѣхъ въ цитадели, не задерживаться и увозить все нужное сейчасъ-же. Такъ какъ Измаиль-Паша поспѣвъ, какъ говорятъ: „къ шапошному разбору“, съ своими войсками, т. е. когда Баязетъ былъ уже взятъ, могъ смѣло своимъ корпусомъ устроить заслонъ, по пути нашего движенія обратно на Чингиль.

Въ седьмомъ часу вечера орудія его отряда начали погромыхивать по нашему вагенбургу. Наша конная батарея, посланная въ сторону его движенія, принужденная состояться, съ массой орудій, болѣе дальнобойнаго калибра что-то захромала и должна была уйти съ поля, подъ прикрытіемъ своей кавалеріи. Генераль Тергукасовъ приказалъ тогда же, выѣхать всѣмъ девятифунтовымъ орудіямъ отряда на позицію, противъ Измаила-Паши. Батарея наша, съ посаженною прислугою на орудія, на рыхляхъ, выдвинулась въ указанномъ ей направленіи. И занявъ позицію, немедленно открыла огонь по колоннамъ Измаила-Паши обыкновенными гранатами. Завязавшаяся по началу, жаркая перестрѣлка, начала мало по малу рѣдѣть и съ наступленіемъ, быстрымъ на югъ, темноты совсѣмъ умолкла. Туркамъ опять пришлось сознаться, въ

своей медлительной нерѣшительности, а потому они остановили свое наступление.

Такъ окончилось сраженіе 28 Іюня. Цѣль наша была достигнута блестящимъ образомъ и съ наименьшими для насъ потерями: во всемъ отрядѣ убито два нижнихъ чина и ранены—1 офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ; въ полубатарей контуженъ 1 офицеръ и наводчикъ; убита одна артиллерійская лошадь. Изъ полубатареи выпущено было 120 обыкновенныхъ гранатъ, изъ которыхъ только 18, выпущено на позиціи у вагенбурга, противъ Измаила Паша. Трофеями этого дня были: 80 человекъ плѣнныхъ, четыре орудія—изъ нихъ три горныя, системы Уитворта и одно шестифунтовое дальнобойное. Но такъ какъ лафетъ въ послѣднемъ былъ подбитъ, то оно по неимѣнію, въ данное время, перевозочныхъ средствъ и спѣшности отступленія, было брошено въ пропасть.

Полубатарея оставалась на позиціи до 12 часовъ ночи. Какъ только прекратилась стрѣльба, мы первымъ долгомъ позаботились о нашихъ бѣдныхъ животныхъ, которыя непоеными и некормленными, провели цѣлый день. Отыскали впотьмахъ ручей и парусинными ведрами напоили, а затѣмъ ѣздовые натащили съ полей, стоявшей на корню, пшеницы и задали имъ корму. Сами-же поджидали распоряженія присоединиться къ отряду. Такъ какъ было поздно, то насъ брало ужъ сомнѣніе, не забыли-ли о насъ. Потому что обозъ, составлявшій вагенбургъ, свернулся въ колонну и ушелъ. Бывшая впереди насъ охранительная цѣпь, тоже осадилась за наше расположеніе. Но около 12 часовъ ночи, было разсѣяно наше подозрѣніе. Прибылъ эскадронъ Переяславскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытіемъ, мы были водворены на общій бивуакъ.

Бивуакъ былъ расположенъ въ 2 верстахъ отъ Баязета. Какъ солдаты, такъ и мы все, не смыкали глазъ, цѣлую ночь напролетъ и сидя у костровъ бесѣдовали. Разумѣется темой для разговоровъ служили событія дня, а главнымъ образомъ мы интересовались разспросомъ бывшихъ защитниковъ Баязета. Они и повѣдали намъ, что послѣ ухода Генерала Тергукасова, съ его отрядомъ, спустя нѣкоторое время, оставленный имъ комендантомъ, Полковникъ Пацевичъ, по своей инициативѣ, предпринялъ поиски съ частью имѣвагося у него гарнизона, въ сторону озера Вана. Неожиданно для себя, онъ тутъ наткнулся на большое скопище кавалеріи и отрядъ Муниба-Паша. Не могло быть и рѣчи, о томъ, чтобы съ такими силами, какія были у насъ, ввязываться въ бой. Пришлось отступать. Турки тогда начали преслѣдовать этотъ отрядикъ, какъ говорятъ, по пятамъ. Въ стѣнахъ го-

рода уже, необходимо было вступить въ бой, чтобы дать возможность остальнымъ проникнуть въ Цитадель и въ ней укрыться. Подъ стѣнами ее мы понесли значительныя потери. Самъ Пацевичъ былъ убитъ. И благодаря тому, что штабсъ-капитанъ Томашевскій, съ оставшейся горстью нижнихъ чиновъ, не принимавшій участія въ этомъ злополучномъ рейдѣ, огнемъ своего взвода и ружейнымъ, прикрылъ отступающихъ, была возможность остальнымъ, запереться въ Цитадели и завалить ее ворота. Изъ этого можно было заключить, что наши войска преждевременно, привлекли на себя противника. Еще вопросъ, когда-бы противникъ, нацупалъ этотъ гарнизонъ, при своей нерѣшительности. Да и можетъ быть это обложеніе, свалившееся какъ съ неба, было-бы, не такъ тягостно для осажденныхъ. Такъ какъ при первыхъ извѣстіяхъ, о надвигающемся противникѣ, можно было заранѣе подготовить себя къ осадѣ и имѣя все нужное подъ рукой, добыть воду, усиліями всего гарнизона, у себя въ цитадели. Въмѣсто убитаго коменданта, заступилъ по старшинству Подполковникъ Штоквичъ.

Нѣсколько разъ, въ теченіи осады, гарнизону, со стороны турокъ предлагалась самая почетная сдача, обѣщанія были съ ихъ стороны, самая чреватая. Но они все время отклонялись совѣтомъ, составившимся, изъ всѣхъ офицеровъ осажденнаго гарнизона. Душою геройскаго отсиживания, почему то тогда признавался всѣми участниками оставленный, со взводомъ артиллеріи, Штабсъ-Капитанъ Томашевскій, предлагавшій на послѣднихъ засѣданіяхъ военнаго совѣта въ Цитадели, въ случаѣ нужды въ мясѣ, перерѣзать всѣхъ лошадей своего взвода. Въ жизни гарнизона происходили и такіе казусы: неожиданно подъ стѣнами цитадели появились непріятельскіе парламентары съ желаніемъ вести переговоры о сдачѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что выкинуть былъ бѣлый парламентарскій флагъ кѣмъ-то изъ осажденныхъ. Не предполагая среди своихъ измѣны и видя въ этомъ, только дерзость со стороны осаждающихъ. Не смотря на то, что по военнымъ правиламъ не принято стрѣлять въ парламентаровъ, осажденные ихъ все-таки разстрѣливали. Тогда турки придумали перебрасывать цѣлыя посланія внутрь, къ осажденнымъ, написанныя на чистомъ русскомъ языкѣ. Вѣроятно сочиненныя, нашими подданными, горцами Кавказа, передавшимися, въ массахъ во время этой войны, на сторону турци. Въ этихъ посланіяхъ говорилось, что положеніе Эриванскаго отряда, разбитаго наголову турками, ужасно тяжелое и едвали онъ теперь рѣшится прійти на выручку.

Но осажденные все время лелѣли надежду на то, что не въ обычаяхъ Русскихъ, оставлять своихъ безъ помощи, а потому всѣ порѣшили крѣпиться до послѣдней возможности, и гарнизонъ, надѣясь на Бога, какъ говорятъ, самъ не плошалъ.

На слѣдующее утро, 29 Іюня, весь Эриванскій отрядъ началъ отступать обратно къ Чингильскому перевалу. Приходилось совершать фланговый маршъ въ виду всей турецкой арміи. Для обезпеченія, отъ удара непріятеля во флангъ была выслана густая цѣпь стрѣлковъ съ кавалеріей. Какъ только войска тронулись, цѣпь завязала довольно оживленную перестрѣлку, которая вскорѣ и окончилась. Такъ какъ, флегматичные турки и не думали двигаться, съ занятаго ими еще съ вечера, положенія.

Лишь только завязалась перестрѣлка, какъ изъ оставленнаго, наканунѣ, еще нами Баязета, начали выскакивать и догонять отрядъ, казаки, которые, подъ покровомъ ночи, старались захватить и увезти все, что только попадалось подъ руку, изъ вражьяго добра. Можно было наблюдать цѣлую серію ихъ, вѣеромъ разсыпавшихся, по всѣмъ направлениямъ и улетающимъ во всю на своихъ приземистыхъ лошаденкахъ. Нужно было удивляться крѣпости лошадей, выносившихъ на себѣ такую тяжесть, да и казакамъ ее выдерживающимъ. Такъ какъ у каждаго казака, приторочено было къ сѣдлу, или приспособлено у него на спинѣ: одинъ или два мѣдныхъ большаго объема турецкихъ котла, то пара турецкихъ сѣделъ съ сбруей, или цѣпья вязанка изъ турецкихъ ружей. Кромѣ того каждый казакъ, въ своихъ шароварахъ, везъ запасъ не менѣе полутора пуда зернового фуража. Но не думайте, что этотъ рискъ, быть застигнутымъ врасплохъ непріателемъ и имъ убитымъ, вращался-бы на какихъ двухъ рубляхъ, которые, присосавшіяся къ отряду маркитантъ изъ армянъ, еще поторгуюсь давалъ казaku. А просто дѣлалось каждымъ изъ нихъ, по лихости и молодечеству, всосавшемуся имъ въ плоть и кровь. При такой еще ношѣ, руки у казака всегда были свободны и винтовка могла быть вскинута въ плечо, чтобы изъ нее выпустить первую пулю въ того, кто станеть ему изъ враговъ, поперекъ дороги.

Къ вечеру отрядъ, безъ всякихъ потерь, подошелъ до подъема на Чингильскій перевалъ. Переночевавъ тамъ, съ утра началъ подыматься на него. Въ виду того, что многіе, изъ бывшихъ защитниковъ Баязетскаго гарнизона, были такъ слабы, что не могли идти пѣшкомъ, то ихъ разсадили по два и по три человекъ, на орудійные передки и ящики всей имѣющейся въ отрядѣ артиллеріи.

Когда поднялись на перевалъ, Генераль Тергукасовъ приказалъ: оставить на мѣстѣ, полубатарейю нашей бригады, Эриванскій мѣстный багаліонъ, двѣ роты Александропольскаго крѣпостного полка и пять сотенъ казаковъ. Подъ начальствомъ полковника Преображенскаго, весь этотъ отрядъ именовался передовымъ; прочія-же войска ушли въ Игдырь.

Послѣ Баязетскаго сраженія, турецкія войска, подъ главнымъ начальствомъ Измаила-Паши, подвинулись всѣ къ Баязету и расположились по нижнему скату Аладагскихъ горъ. Несмотря на значительное разстояніе, отдѣлявшее нашъ передовой отрядъ, ихъ обширный лагерь, благодаря изобилію малыхъ и большихъ палатокъ, былъ видѣнъ намъ очень хорошо. Но нашего отряда они не могли видѣть, такъ какъ у насъ онъ, по прежнему помѣщался въ лоцинѣ. Палатокъ не было и люди продолжали спать подъ открытымъ небомъ. Днемъ для охраненія и наблюденія за непріателемъ, выставлялись, на возвышенностяхъ, нѣсколько казачьихъ пикетовъ; ночью-же мѣры охраненія усиливались и впередъ выдвигались, нѣсколько пѣхотныхъ секретовъ. Въ такомъ положеніи, передовой отрядъ престоаялъ, вѣкъмъ нетревожимый, до 3-го Іюля.

Съ 3-го Іюля по 6-е въ турецкомъ лагерѣ началось, какое то движеніе. То появлялась передъ нашими высотами въ массѣ кавалерія, то съ нею подходили и пѣшія части. Но стоило дать по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, какъ они быстро улетаивались обратно. Какъ мы и предполагали раньше, что все это дѣлается, съ цѣлью замаскировать, ложными демонстраціями, общее движеніе всей арміи, такъ и случилось. Измаиль-Паша вслѣдъ за этими маневрами, двинулся къ нашей границѣ, чтобы миновать нашъ перевалъ, занять остальные перевалы, ведущіе на нашу территорію, а именно: Таузкульскій, Каравансарайскій и Зорскій (планъ № 1). О насъ онъ мало заботился, такъ какъ въ такомъ ближайшемъ сосѣдствѣ, да еще командующемъ надъ нами, онъ зналъ, что мы сами скоро уберемъ. Когда выяснилось окончательно, что Измаиль-Паша, уже намѣревается занять, означенные перевалы, то весь нашъ отрядъ, былъ отозванъ къ Игдырю и присоединился къ Эриванскому отряду.

По нашемъ прибытіи въ Игдырь, мы увидѣли, что грозныя силы Измаила-Паши, не только заняли всѣ перевалы, но спустились съ хребта Агры-дага и ставъ лагеремъ на полугорьѣ, грозятъ нашей всей Эриванской губерніи вторженіемъ. Такъ какъ собранный Эриванскій отрядъ, составлялъ въ суммѣ, развѣ одну третью часть, противустоящей арміи Измаила-Паши, то нечего было и думать о томъ, чтобы, что

нибудь можно было предпринимать, не имѣя у себя даже равныхъ силъ съ противникомъ.

Генералу Тергукасову опять выпала на долю, змысловатая задача. вмѣсто того, чтобы вести бои, ему нужно было уклоняться отъ нихъ. И только зорко слѣдить за тѣмъ чтобы неприятель не прорвался въ какомъ либо мѣстѣ нашего расположенія. Линія-же охраны, для такого незначительнаго отряда, какъ Эриванскій, была велика. Тянулась она отъ Персидской границы почти вплоть до г. Александрополя а потому всему отряду, только и оставалось усиленно нести сторожевое охраненіе. Одинъ день отрядъ стоитъ на мѣстѣ, а другой перекочевываетъ на новое. Лошади всѣхъ батарей положительно не выходили изъ хомута два мѣсяца. Ежедневно съ утра, они обомунчивались, запрягались и мы выѣзжали на позицію. Пострѣлявши, то въ одномъ направленіи, то въ другомъ, по батареямъ, вновь воздвигаемымъ турками, и увидѣвши, какъ турки прекращаютъ работы и увозятъ во свояси, какъ орудія, назначенныя для вооруженія этихъ батарей, такъ равно и сами убираются считали, что задача, на этотъ день, нами исполнена, и уходили на бивуакъ.

Прійдя на бивуакъ думаемъ бывало, что уже можно почить отъ дѣлъ своихъ до слѣдующаго утра. Но тамъ ужъ готово распоряженіе, что назначено ночное движеніе. И движаешься ночью, на какойнибудь дальній пунктъ расположенія противника, чтобы, зайдя ему во флангъ и потревоживъ, отвлечь отъ задуманнаго имъ предпріятія съ фронта. Возвращались на свои мѣста мы тоже ночью, съ соблюденіемъ полной тишины. Палатки, обозъ и лишніе люди отъ расчета, каждый разъ оставались на мѣстѣ, чтобы обмануть противника въ томъ, что дѣйствующій противъ него отрядъ, не одинъ и тотъ-же. А такъ какъ коновязи для лошадей, а также парки съ орудіями были укрыты на окраинахъ ближайшихъ селеній за группами деревьевъ, то Измаиль-Пашѣ, было и невдомекъ, что его Генераль Тергукасовъ такъ проводитъ.

Въ такихъ монотонныхъ занятіяхъ, какъ я упомянулъ, мы провели время послѣдующіе два мѣсяца и такъ какъ описаніе одного дня, не отличалась бы за это время, отъ другого, за малыми исключениями, то я и мои воспоминанія, обрываю на этомъ.

26 Марта 1911 года.
Бѣлостокъ.

№ 1.

